

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ОСЕТИН В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.Ф. МИЛЛЕРА

А. Х. ХАДИКОВА,
кандидат исторических наук,
доцент СОГУ им. К.Л.Хетагурова

Научное наследие Всеволода Федоровича Миллера обширно и уникально. К нему еще очень долго будут обращаться ученые самых различных специальностей как к фундаментальной и объективной основе разнообразных исследовательских направлений. Безусловно, признавая факт высочайшей научной ценности деятельности ученого, хотелось бы обратить внимание еще на одну ее грань, не менее значимую — гуманистическую, просветительскую.

В.Ф. Миллер, наряду с М.М. Ковалевским, положил начало объективному изучению Кавказа, сравнительным исследованиям народов, их социального и культурного генезиса, а также взаимовлияний. Надо сказать, к этому времени сведений о Северном Кавказе было накоплено уже немало. Однако в большинстве своем они носили поверхностный, фрагментарный и даже несколько претенциозный характер. Во всех записях об этом регионе в той или

иной степени присутствовали упоминания о диких нравах его обитателей.

Тем не менее, тон опубликованных отзывов о горцах бывал и исключительно дружелюбным и доброжелательным. Даже Александр Пушкин, гений которого во многом повлиял на умы и мировоззрение современников, в эпилоге к «Кавказскому пленнику» обронил такие строки, полные неподдельного уважения, сочувствия и сострадания:

*Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно...*

Безусловно, на эмоциональном уровне это могло создавать благоприятную почву для нового видения Кавказа в исторически изменившихся политических, социально-экономических и культурных условиях. И все-таки весьма насущной оставалась проблема поиска не эмоциональной, а объективной научной основы этого нового взгляда, новых оценок и подходов к

перспективам дальнейшего развития Северного Кавказа в рамках российской государственности. В российской публицистике тех лет кавказские сюжеты рассматривались не иначе, как в рубриках «В краю абреков и воров», «В диком крае», «Варварские обычаи и нравы» и т. д. Что и неудивительно — военные, путешественники и прочие наблюдатели и даже исследователи формировали свои впечатления, во-первых, с позиций европейской культуры и ментальности, а, во-вторых, в историческом контексте длительной Кавказской войны (1817-1864 гг.) и ее последствий.

В подобных условиях трудно переоценить научное, а также гуманистическое значение объективных изысканий, способных не только поколебать, но и разрушить часть негативных стереотипов в отношении народов Северного Кавказа. Не будет преувеличением таковой базой считать исследовательское наследие В.Ф. Миллера.

Ученый стал скрупулезно изучать язык, мифологию, религию, правовую культуру, повседневный и праздничный быт и многое др. Масштаб личности В.Ф. Миллера характеризует хотя бы тот факт, что до сих пор ничуть не ослабевает ни его уникальный по обилию и ценности материал, ни его авторская научная концепция. Обобщения, которые В. Миллер предоставил своим последователям, не только все еще актуальны, но и весьма перспективны для многих, ныне успешно развивающихся субобластей современной этнологии, истории, лингвистики, фольклористики, правоведения и т.д.

Неоценимы изыскания В.Ф. Миллера в области коммуникативной культуры, таких ее практических проявле-

ний, которые свидетельствуют о развитии и разработанном этикете общения. Как уже упоминалось, вплоть до начала научного изучения Кавказа, в массовом сознании европейцев господствовало убеждение, что кавказские горцы по природе своей агрессивны и кровожадны, что их поступки, образ жизни и само сознание в корне лишены духа миролюбия и лояльности, созидательного начала и социальных институтов, стабилизирующих порядок и взаимопонимание. Именно В.Ф. Миллер был одним из первых, кто смог авторитетно разъяснить, что объективный облик народов Северного Кавказа складывается не только из воинских реликтов. Куда в большей степени — это нормы, составляющие стремление к пониманию и приятию людей иной национальности, иной веры и культуры, готовность к сотрудничеству и взаимодействию как основы многовекового уклада совместной жизни разных народов. Он распознал суть и действенное воплощение горского права, народной дипломатии, а также, что особенно важно, нравственные ценности и нормы морали, на которых они были основаны. Ученый всячески подчеркивал те детали и принципы культуры общения, поведенческие установки, которые были направлены на предотвращение конфликтов любого уровня. В.Ф. Миллер неоднократно сосредотачивал свое внимание на том, что у осетин и семейные, и общественные отношения определялись строгим этикетом и понятиями благопристойности. Следование требованиям морали, осознание приоритета общественного блага над личными эмоциями формировали ос-

новы гражданского сознания и толерантности поведения.

Чрезвычайно важен еще один аспект деятельности В.Ф. Миллера, поскольку он положил начало новому этапу в освоении Кавказа — интеллектуальному. В так называемый домиллеровский период, особенно в ранних наблюдениях русских и европейских путешественников, Кавказ предстает как некий уникальный, самобытнейший, но монолитный территориально-культурный феномен. Внимание авторов не было сосредоточено на различиях и повторимости народов, его населяющих. Подобное внешнее восприятие оправдано некоторыми объективными обстоятельствами. В силу своего геополитического положения регион всегда был полем интенсивного цивилизационного взаимодействия. Этот фактор, наряду с прочими, содействовал формированию некоего культурного симбиоза «Кавказ» со схожими (хотя бы и на визуальном уровне) мировоззренческими и ментальными установками, воплощенными в кодированных нормах поведения, адекватно «читаемых» в разных этнических культурах Северного Кавказа.

Действительно, несмотря на своеобразие каждого народа Северного Кавказа, всегда было, есть и будет то, что их объединяет.

Схожие, подчас идентичные, экологические, социально-экономические условия, общие для некоторых кавказских народов, этнические и исторические традиции (у адыгов, вайнахов и пр.); активное и разнообразное влияние алан на средневековое население Северного Кавказа, издревле сложившиеся личные, культурные,

экономические и родственные связи, межнациональные браки, взаимные миграции отдельных фамилий из этноса в этнос — вот далеко не полный перечень тех обстоятельств прошлого, которые способствовали формированию общего облика северокавказских народов, их своеобразной цивилизации. Этого оказалось вполне достаточно для поверхностных и субъективных обобщений о культурной, коммуникативной, ментальной и едва ли не этнической непрерывности населения региона.

Именно своим дифференцированным подходом к изучению отдельных кавказских народов, системным исследованием языка, фольклора, религии, прочих аспектов этнической культуры В.Ф. Миллер положил начало российскому научному кавказоведению и уже — осетиноведению.

Необходимо обратить внимание еще на один фактор деятельности ученого. Осетиноведческие интересы В.Ф. Миллера выходят за рамки только лишь научного значения. Обращаясь к современной терминологии, их можно определить как политологические — на уровне классического академизма ученый исследовал древнеиранское происхождение народа, издавна живущего в центре, т.е. в самом сердце, древнего Кавказа. Осетины как хранители индоевропейской архаики, но в то же время полноценные носители кавказской культурной традиции в какой-то степени создавали прецедент сближения Европы с Кавказом, по сути — гармоничного сочетания различных цивилизаций. Этот факт не мог не способствовать скорейшей и благополучной взаимной адаптации и лояльности России и Северного Кавказа.

Скрупулезно исследуя «дикую» экзотику Кавказа, ученый терпеливо выкристаллизовывал реликтовые индоевропейские пласты, имеющие множество локальных вариантов, в том числе и в повседневном устройстве. Глазами европейца оценивая традиционное осетинское жилище как «звероподобное логово», он в то же время замечал, что в нем «этикет соблюдается строже, чем в европейских раззолоченных палацах» [1].

Научное наследие В.Ф. Миллера еще долго будет перспективно не только в общем народоведческом ракурсе, но и для таких узко специфических исследовательских подходов, как анализ систем этнических ценностей, национального менталитета, народной культуры общения, гендерных исследований, культуры эмпатии и многих других. Этот аспект деятельности В.Ф.Миллера очень важен и отвечает современным направлениям этнологии. В частности, тем, которые рассматривают традиции общения как механизмы культуры, благодаря которым средства коммуникации включаются в систему социальных условий и отношений человеческой деятельности и — шире — в систему жизненного опыта человечества [2].

Изучая народ, В.Ф. Миллер сосредотачивался и на анализе социокультурной его организации, основах взаимного понимания. До сих пор ценны и актуальны его исследования различных культурных систем осетин. Уникально, что материалы, собранные и систематизированные В.Ф.Миллером в позапрошлом веке, отвечают перспективным потребностям и запросам новейших исторических и этнологических субдисциплин.

Его исследовательские подходы соответствуют приоритетным задачам формирующейся гуманистической этнологии, глубоко и последовательно изучающей опыт позитивного общения разных народов. В частности, в рамках осетиноведения на базе исследований В.Ф. Миллера стали возможны научные обобщения о традициях, стандартах, атрибутах общения, знаках и символах, коммуникативной культуре в целом. Ученый создал обширную базу для изучения моральных исканий, нравственных ценностей и императивов, что чрезвычайно важно для исследований по ментальности, этническому мировоззрению в целом.

Исследуя осетин, В.Ф. Миллер достаточно часто обращался и к особенностям соционормативной культуры, регламентирующей коллективную жизнь, и к культуре гуманитарной, имеющей в качестве объекта воздействия сознание человека, этико-эстетическое осознание им своего природного и социального окружения, психику в целом. При изучении народа в поле зрения В.Ф.Миллера в числе прочего попадали основы взаимного понимания, средства и приемы человеческой коммуникации, специфические условия, символы и знаки, которые в целом составляют предмет коммуникативной культуры. В.Ф. Миллер был одним из первых ученых, кто обратил свое пристальное внимание не на воинственный антураж, а на другие кавказские реалии — созидательные. Речь идет о нормах, составляющих дух миролюбия, готовности к сотрудничеству и взаимопониманию как основах многовекового уклада.

Важнейшим институтом, способным согласовывать действия человеческих групп, актуализирующим нормы традиционного общения, а также и народной дипломатии, был обычай гостеприимства. Эстетически выраженное сознание и поведение осетин В.Ф. Миллер имел возможность зафиксировать в то время, когда сам являлся гостем, по народным понятиям, особенно почетным. В этом случае принимающей стороной являлось не одно семейство, а все сельское общество с четким распределением функций каждого в соответствии с его собственным социальным статусом. Непосредственное общение с гостем осуществлялось людьми, специально уполномоченными. Остальные выполняли своеобразную повинность присутствия. Высокая степень символичности и разработанность церемониала этого древнейшего обычая распространялась, в том числе, и на правила организации пространства: «Едва мы вошли и стали выгружать наши переметные сумы, как уже комната наполнилась народом. Один ветхий старик сел рядом с нами на скамью, а все, кто помоложе, выстроились вдоль стен, образуя как бы античный хор» [3].

Эпизоды коммуникации хозяев с гостем, а также и внутри принимающей стороны, отмеченные В.Ф. Миллером, передают не только стандарты общения, но и основные семиотические позиции, отражают главные концепты социальной реальности. Весьма информативно, что в описании ключевых моментов цикла гостеприимства ученый избрал именно коммуникативный контекст, т.е. исследовал саму организацию общения в соответствии

с базовыми нормами традиционного этикета. В этом смысле он совершенно справедливо расставил акценты на смысловой нагрузке как начала, так и окончания визита.

Важным коммуникативным звеном был отъезд гостя, его проводы. По наблюдениям В.Ф. Миллера, один из представителей хозяев (*фысым*) снимал шапку, поднимал *нуазан* (почетный бокал) и произносил прощальное слово. «Затем следуют пожелания здоровья всем членам семьи... чуть ли не до десятого колена, пожелания счастливого пути и благословения всяких Дзуаров, Уастырджи, Уацилла и Рекома. Все присутствующие обнажают головы и повторяют «оммен». Затем наливают следующему по иерархической лестнице» [4].

В этой ситуации представлен важнейший ритуал — круговая чаша. В данном случае он призван был символизировать единство общения в исполнении цикла гостеприимства. Заключительный его этап предъявлял определенные требования и к поведению гостя, что не ускользнуло от внимательного взора исследователя: «Сядь на коня после прощального стакана и всяких пожеланий, я, не зная того, нарушил важное правило осетинского этикета, — писал В.Ф. Миллер. — Я подошел сам к коню и просил поддержать его. Уже за пределами аула я узнал, что гость должен ждать, чтобы ему подвели коня и подержали стремя. Притом излишняя поспешность может обидеть хозяев» [5].

Осетиноведческие материалы В.Ф. Миллера неоспоримо ценны и для современных исследователей гендерных взаимоотношений, в том числе и в рамках традиционных культур.

Исследователь, справедливо оценив то, что в рамках патриархальных семейных взаимоотношений гендерные стереотипы вбирают в себя комплексы регламентаций обычая избегания (*уайсад*), приводит даже несколько казуистические формы их реализации. Они связаны с табуацией. Запрет произносить вслух имя супруга — одно из основных проявлений системы «уайсад» (избегание): «Молодая женщина захворала и должна была некоторое время жить во Владикавказе у отца. Мой приятель был при первом визите доктора; нужно на рецепте написать фамилию ее мужа, спрашивают молодую женщину, но она краснеет и молчит. Или другой случай. Муж приезжает из аула, чтобы проведать жену, но он не смеет войти в дом, где она остановилась и бродит кругом и около, заглядывая в окна и поджидая кого-нибудь из домашних, чтобы расспросить о жене» [6].

В.Ф. Миллер представил инварианты действия сего феномена, справедливо определив, что супружеское избегание — самое сильное, но не единственное проявление «уайсад» в рамках патриархальной осетинской семьи. Семейный этикет устанавливал строжайшие регламентации и в общении с родителями, внося в него изрядную долю официоза. Ученый по этому поводу замечал: «...сыновнее уважение требует, чтобы сын, с той поры, когда перестал ходить нагишом, всячески избегал встретить мать не вполне одетым. И вот поутру он тщательно высматривает, не находится ли мать поблизости. Показать ей в этом виде было бы грубым оскорблением чувства стыдливости» [7].

От вдумчивого взгляда исследователя не ускользнула чрезвычайная важность категорий возраста в коммуникативной культуре осетин. Обширный материал, обобщенный В.Ф. Миллером, позволяет рассмотреть возрастные стереотипы во всем многообразии: репродуцировании общественного и семейного этикета, семантике, социально-структурной стратификации, индивидуальных поведенческих различиях и т.д.

В.Ф. Миллер не раз обращался к особенностям праздничной культуры осетин, в частности, традиционному застолью. Ученый уделял внимание как устойчивости бытового содержания этого культурного феномена, так и религиозно-мифологическому его значению.

Сумев определить и культовую, и коммуникативную суть праздничных обрядов и ритуалов, В.Ф. Миллер отмечал их непререкаемость и надситуативную действенность, утверждая, что они лишь «с некоторыми видоизменениями сопровождают всякий осетинский праздник и кувд, как общественный, так и семейный» [8].

Всеволод Федорович Миллер является классиком российской и мировой этнологической науки. Зачастую и имя ученого, и его научное наследие — наследие классика — с течением лет преобразовываются в некий мемориал — базисный запас науки. К нему относятся как к непреложной истине, высоко ценят и с величайшей бережностью хранят. Хранят, но не обращаются, как к чему-то, что может зазвучать ново и перспективно. В.Ф. Миллер же принадлежит к числу тех редкостных ученых, труды которых не только все еще актуальны для целого ряда специалистов

— этнологов, лингвистов, юристов и пр. Феноменально, но многие новейшие и даже формирующиеся исследовательские направления тотчас напитываются не только ценнейшими фактами, но также оказываются совместимыми с логикой, концептуальной позицией и широтой мышления этого ученого.

Научное наследие В.Ф. Миллера еще долго будет востребовано и перспективно как в общем кавказском масштабе, так и для различных специальных субдисциплин, способных актуализировать неизрасходованные духовно-нравственные ресурсы различных этнических культур.

-
1. Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. № 9. С.79.
 2. Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. М., 2003.
 3. Миллер В.Ф. В горах Осетии. С.68.
 4. Там же. С.80.
 5. Там же.
 6. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. В 3-х т. Т.2. М., 1882. С.78.
 7. Миллер В.Ф. В горах Осетии. С.79.
 8. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. С.265.